
Социальная структура, социальные институты и процессы
Social Structure, Social Institutions and Processes

DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-108-118
УДК 327.5

ГУРБА Владимир Николаевич

Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
desp@ufo.gov.ru

КОНОВАЛОВ Валерий Николаевич

Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
kwn_2006@mail.ru

**ТРАНСГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН VS ТРАНСКОНФЛИКТНЫЙ РЕГИОН:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В УПРАВЛЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ГРАНИЦАМИ**

Введение. В статье исследуется феномен трансконфликтного региона с точки зрения сопряжения с близким ему таким явлением как трансграничный регион.

Методы. Решается задача операционализации концепции трансконфликтного региона. Через призму регионализации и глобализации исследуется специфический потенциал приграничья. Выявляются общие и особенные черты обоих регионов по пространственным, историческим, функциональным и политическим характеристикам.

Результаты. В статье анализируется одна из важнейших характеристик границы – барьерность и контактность. Анализируются особенности функционирования трансграничного региона (с действующим конфликтом) в качестве специфической территории и наличия ирредентистского потенциала в приграничной зоне.

Выводы. Внедрение в управленческий дискурс концепта трансконфликтного региона подтверждает наличие регионального образования с повышенной конфликтностью.

Ключевые слова: территория, трансграничность, субнациональная регионализация, региональные пограничные подсистемы, трансграничный регион, трансконфликтный регион.

Для цитирования: Гурба В.Н., Коновалов В.Н. Трансграничный регион vs трансконфликтный регион: общее и особенное в управлении территориальными границами. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2019. Том. 11. № 5. с. 108-118.

doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-108-118.

Vladimir N. GURBA

Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
desp@ufo.gov.ru

Valery N. KONOVALOV

Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
kwn_2006@mail.ru

**TRANSBOUNDARY REGION *VERSUS* TRANSCONFLICT REGION: GENERAL
AND SPECIAL IN THE MANAGEMENT OF TERRITORIAL BOUNDARIES**

Introduction. The article explores the phenomenon of the transconflict region from the point of view of its correspondence with a phenomenon similar to it, such as a transboundary region.

Methods. The task of operationalizing the concept of a transconflict region is being solved. Through the prism of regionalization and globalization, the specific potential of the border is explored. Identified common and special features of both regions in terms of territorial, historical, functional and political characteristics.

Results. In the article one of the most important characteristics of the borders is analyzed: barrier and contactness. The peculiarities of the functioning of the transboundary region (with the current conflict) as a specific territory and the presence of irredentist potential in the frontier zone are analyzed.

Conclusions. The introduction of the concept of a transconflict region into the management discourse confirms the existence of a regional education with increased conflict.

Keywords: territory, transboundarity, subnational regionalization, regional border subsystems, transboundary region, transconflict region.

For citation: Gurba V.N., Konovalov V.N. Transboundary region *versus* transconflict region: general and special in the management of territorial boundaries. *Historical and Social-Pedagogical Studies*. 2019. Vol. 11. No.5. PP. 108-118.
doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-5-108-118. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В последние годы произошел взрыв эмпирического и теоретического интереса к таким «геополитическим константам» как территория, трансграничность, субнациональная регионализация, региональные пограничные подсистемы и др. Эти понятия рассматриваются через призму воздействия миграции, глобализации и правопреемства государств на территориальный суверенитет. В дополнение к более «традиционным» территориальным спорам массовая миграция породила новые нормативные дилеммы в сфере владения территорией в современном мире.

Получило ускоренное развитие Border Studies – междисциплинарная наука о границах (лимнология), проводятся международные конференции, круглые столы по теме «Территория и справедливость» [1]. Популярным направлением в исследованиях становится политическая теория территории [2]. Маргарет Мур за книгу «Политическая теория Территории» (2015) [3] получила международную премию за этические исследования 2016г., стала Лауреатом философской ассоциации Канады (2017г.)

В 2018 г. в г. Брисбен (Австралия) прошел XXV Всемирный конгресс политических наук, на который была вынесена главная тема: «Границы и разделительные линии» (Borders and Margins). Б. Мичко [4], М. Ригл [5], А. Касаглия [6], Б. Добош [7] и другие участники пристальное внимание обратили на ускорение глобализации после окончания холодной войны и многоуровневые последствия террористических атак 11 сентября 2001г., имевшие глубокое воздействие на территориальные границы. Эти границы создают поля, с помощью которых административная и военная бюрократия, НПО, активисты и более или менее организованные преступники и террористы действуют различным образом, эмпирически и концептуально. Эволюция информационных технологий трансформировала традиционную «границу как барьер». Люди, связанные общими идентичностями и интересами, но рассеянные по всему миру, стали практически общаться друг с другом поверх границ. От процессов регионализации и глобализации не оказалась огороженной и Россия. В исследовательском поле усилился интерес к приграничным и трансграничным территориям, регионам.

Исследовательская задача состоит в операционализации концепции трансконфликтного региона, которая является достаточно новой в проблемном поле региональных исследований. Разработка инструментария трансконфликтного региона даст возможность выявить с помощью компаративного метода общее и особенное с другим важным территориальным феноменом геополитического пространства – трансграничным регионом. Само появление концепта трансконфликтного региона и его инкорпорирование в управленческую практику свидетельствует о значительном повышении градуса конфликтной напряженности в обществе.

Концептуализация трансконфликтного и трансграничного регионов.

В результате распада СССР Россия обросла новыми территориальными границами, приграничными районами. Приграничные территории, как определяют авторы монографии «Трансграничный регион: понятие, сущность, форма», - «это территории, непосредственно прилегающие к государственной границе, испытывающие на себе наибольшее влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества. Его можно назвать специфическим потенциалом приграничья» [8, 19].

Понятие «регион» в политологической литературе является достаточно многомерным понятием. В первую очередь регион представляет географическую территорию, административную единицу государственного деления, предполагающую межгосударственную составляющую и т.д.

Такая же многослойность присуща трансграничному региону. В нем присутствует физико-географический слой, особая территориально-экологическая структура пространства; исторический слой, включающий в себя историческое прошлое, движение, историческую память; функциональный слой, отражающий наличие разнообразных внутренних и внешних функций трансграничности. Конечно, одним из оснований, характеризующим трансграничный регион, является

политическое основание, поскольку мы рассматривает регион с политической точки зрения.

А.А. Зыков и М.Ю. Шинковский дают следующее определение трансграничному региону с точки зрения политической науки: это – «сопредельные пограничные территории (микрорегионы) государств, находящихся в определенных отношениях (связях), базирующихся на определенном природном, экономическом, социокультурном, этническом единстве в условиях динамичных процессов глобализации» [8,37].

Ростовский исследователь А.В. Сериков, положивший начало исследованию на Юге России феномена трансконфликтного региона, дает следующее определение: «трансконфликтный регион – это нестационарное, неустойчивое региональное образование, которое характеризуется наличием деструктивного внутреннего потенциала, актуализируемого внешним источником конфликта (регионом с действующим конфликтом). Приставка транс- в данном случае отражает имманентную особенность подобных регионов:

1) рассекать пространство региональных образований-мишеней ареалом сформированного внешнего конфликта, обладающим значительным потенциалом деструкции и дезинтеграции, и образовывать в этом пространстве нестационарные региональные образования с повышенной конфликтностью;

2) и/или оказывать на находящееся даже за пределами основного очага конфликта региональное образование, опосредованное влияние в виде усиления потоков мигрантов, институциональных ограничений, барьеров и т.п.» [9, 15].

Мы можем обнаружить структурное единство базовых оснований обоих видов регионов. Они являются продуктом глобальных и региональных экономико-политических и социокультурных процессов. Аржун Аппадурай, один из новаторских исследователей глобализации, отмечает, что глобализация характеризуется в первую очередь становлением транснациональных сфер публичной жизни людей и производятся / конструируются пятью культурно-символическими пространствами-потоками: этнопространством; технопостранством; финанспостранством; медиапространством и идеопостранством [10, 296]. Причем, эти потоки Аппадурай рассматриваются через концепцию детерриториализации.

Детерриториализация играет важную роль в его теоретической модели, поскольку первоначальная дихотомия «локальное / глобальное» заменяется дихотомией «территориальное / детерриториализованное.

И, что немаловажно, детерриториализация, как «центральная сила в современном мире» [10, 301], делает проблематичным прежнее нормальное функционирование национальных государств. В новых условиях претендентами во взаимодействиях географических единиц являются транснациональные этнические движения.

Это методологическое направление может быть маркирован как глобализм, транснационализм с детерриториализованной составляющей.

С другой стороны, к базовым общим основаниям относятся пространственные характеристики, подчеркивающие их (регионов) трансграничность в их противоречивости и взаимозависимости.

Сторонники неореалистической методологической позиции занимаются возрождением суверенной и трансграничной тематики в международных контекстах XXI века. В нем обсуждаются различные реакции на глобализацию, а также ответ на объединение политических пространств.

Исследователи неореалисты представляют сравнительную перспективу политики суверенитета и границ как реакцию на различные последствия глобали-

зации. Это связано с попытками государства отстаивать свою власть посредством детерриториализации. Однако этот дискурс не может быть отключен от популярных геополитических конструкций, которые предполагают общую потерю суверенитета и контроль над границами и, следовательно, необходимость более ограничительных пограничных режимов. Сегодня перед исследователями стоят непростые вопросы теории международных отношений, которые заявили о себе в рамках работы ряда секций Всемирного конгресса политической науки (2018г.; Брисбен). Как связаны вопросы суверенитета, национальной идентичности и онтологической безопасности с точки зрения более общей безопасности границ? Что объясняет различные реакции в разных частях мира и как они связаны с более широкой проблемой эволюционирующих режимов суверенитета?

Существуют, таким образом, два методологически устойчивых подхода к изучению проблем глобальной, национальной и региональной безопасности и практик их реализации. Первый – практический – связан с исследованием конкретных территориальных проблем, а значит, в большей степени сопряжен с региональной и локальной безопасностью. Этот подход можно обозначить как региональный, неореалистический.

В отличие от первого, неореалистического подхода к исследованиям проблем безопасности, ориентирующийся на материальную природу угрозы, второй глобалистский подход принимает дискурс детерриториализации.

Можно согласиться с мнением Барри Бузана, который считает, что основным преимуществом регионального подхода является анализ глобальной и локальной динамики взаимодействия друг с другом. Это отражает территориальность, присущая многим динамикам безопасности [11, 480]. Б. Бузан, являясь автором (совместно с представителем копенгагенской школы международных отношений датским ученым Оле Вэвером) теории комплексов региональной безопасности или теории секьюритизации, хотел бы использовать существующие значительные возможности для аналитического взаимодействия между глобалистской теорией и неореализмом, несмотря на их различные гносеологические корни. Бузан объясняет это тем обстоятельством, что неореализм концентрируется слишком узко на военной безопасности и на государстве.

Особенности трансконфликтного региона

Отличительной особенностью региона (с действующим конфликтом) является усиление деструктивных процессов, ориентированных на процесс дезинтеграции и повышенную конфликтность. Примером может послужить Украина. Конфликт на Юго-востоке Украины 2014–2018 гг., оказался чрезвычайно резонансным конфликтом на всем постсоветском пространстве. Здесь и присоединение Крыма, формирование самопровозглашенных республик на Юго-востоке страны, военные действия, в ходе которых, по объективным оценкам, погибли порядка 14 тыс. человек, труднейший переговорный процесс – все это в топовой повестке дня современных международных отношений.

Трансконфликтный регион, как отмечают исследователи Института социологии и регионоведения Южного федерального университета в своих публикациях, фиксирует очаг конфликтов и нестабильности в соседнем приграничном регионе, из которого транспортируется негативный потенциал на достаточно стабильную территорию [12].

Он может быть выражен в неконтролируемой миграции, контрабанде, росте преступности, распространении незаконного оружия, терроризма и т.д.

В Ростовской области с началом боевых действий серьезно изменилась миграционная ситуация за счет притока переселенцев из Донбасса и других регионов Украины. В первые два месяца 2014 г. миграционный прирост в сравнении с январем и февралем 2013 г. составил 70 700 чел. В связи с этим на Дону был объявлен режим ЧС, который позволял в случае необходимости принять максимальное число беженцев и оказать им необходимую помощь. Всего в Ростовской области за четыре года было выдано более 27 тыс. разрешений на временное проживание вынужденным переселенцам; 13 тыс. человек получили вид на жительство; 6,7 тыс. граждан Украины оформили паспорта граждан РФ.

Конфликтная напряженность, проявляя себя во многих сферах общественной жизни, продуцирует определенные угрозы социетальной безопасности. Так, статистика свидетельствует о неуклонном росте с 2014 г. в приграничной с Юго-востоком Украине Ростовской области преступности. Если в 2013 г. область занимала 14-е место по уровню преступности в России, то в 2014 и 2015 гг. поднялась на 9-е место. В 2016 г. – 8-е, в 2017 г. уже 6-е место. За первое полугодие 2017 г. число особо тяжких преступлений выросло в области на 66,2% [13, 7].

Экономическая деятельность в стране-участнице военного конфликта, носящей теневой характер, транслируется на соседнюю территорию. Подобная практика, как отмечают эксперты, является распространенной [14, 57]. Трансграничность теневого бизнеса в исследуемом районе получает дальнейшее развитие, в том числе в сфере, связанной с добычей и поисками путей транспортировки сырьевых ресурсов. Отметим, что контактность правоохранительных структур приграничных территорий сведена на нет, в отличие от прежнего активного взаимодействия на горизонтальном уровне.

Подобные негативные явления и процессы делают Ростовскую область регионом повышенного риска и порождают дезинтеграционные практики. Одними из главных функциональных характеристик границы является барьерность и контактность. Под барьерностью понимается совокупность условий и факторов, затрудняющих трансграничное сообщение. По поводу контактных и барьерных значений государственных границ в трансконфликтном регионе надо иметь в виду, что в силу фактора сотрудничества повышается роль контактности и снижаются барьерные значения. В трансграничном регионе происходит противоположный процесс.

Конфликтный кризис на Юго-востоке Украины имеет свои особенности, выделяющие его на фоне других постсоветских национально-территориальных конфликтов. Трансграничный регион в нашем случае отличается наличием ирредентизма – стремлением этнокультурного меньшинства к воссоединению с этнической общностью по другую сторону границы. Здесь наблюдается достаточно выраженный ирредентистский потенциал, связанный с традиционно пророссийским вектором политики в приграничной зоне Украины. Россия в таких условиях, во-первых, пытается смягчить санкционный режим для себя, реинтегрировав территории самопровозглашенных республик в состав «федерализованной» Украины, сохранив за ними как можно больше автономии. Во-вторых, достичь максимального влияния так называемых ДНР, ЛНР на украинскую внутреннюю политику; в-третьих, создать препятствия для нарастающего сближения и интеграции Украины в НАТО и ЕС.

Сохранить восточную часть Украины под своим патронатом в течение длительного времени будет требовать усилий больших, чем, например, вложений в патронат над Приднестровьем. Но этот вариант в случае неудачи реинтеграции не имеет альтернативы. Ситуация на Юго-востоке Украины показывает, что пока обеспечивается определенная степень управляемости территорий ДНР и ЛНР. Вместе с тем не приходится говорить о самопровозглашенных республиках как о состоявшихся де-факто государствах. Вероятно, эта управляемость в значительной степени обусловлена контролем за границами в конфликтной зоне.

Дискуссии

Исследование особенностей восточной части Украины как отдельного региона приводит к еще одному важному аспекту его функционирования, а именно в качестве специфической территории. В.Д. Жмилевский в своей последней работе «Специфические территории. Международная классификация» (2017г.) дает следующее определение: «Специфические территории (лат. terra specificus) – административно-территориальные образования, обладающие определённой спецификой в области международно-правового законодательства (или декларирующие её от лица уполномоченной на это структуры), не свойственной большинству государств-членов Организации Объединённых Наций» [13,6]. Автор выделяет следующие основные виды специфических территорий:

- непризнанные (в том числе частично признанные) государства;
- виртуальные государства;
- ассоциированные государства;
- спорные территории;
- оккупированные и аннексированные территории;
- terra nullius (ничейная земля);
- анклав и эксклавы;
- зависимые территории;
- специфические границы (в том числе буферные зоны);
- кондоминиумы;
- территории с комбинированной спецификой [13,7].

Специфические территории имеют набор определённых признаков, которые отличают их от обычных субъектов международного права.

Рассмотрим такой вид специфической территории как «Специфические границы (в том числе буферные зоны)». Специфическую территорию характеризует наличие «вынужденной границы» - линии разграничения, напрямую отделяющую две конфликтующие по территориальному вопросу стороны. Причем, одна из сторон территориального спора эту «вынужденную границу» не признает. В силу данного обстоятельства такие границы специалисты называют непризнанными. Такой вынужденной границей является граница между Украиной и народными республиками Донбасса (при этом заявленная ранее демилитаризованная «серая зона» так и не была реализована в полном объёме).

Рассматриваемые типы регионов объединяют исторические характеристики. Исторические взаимодействия приграничных территорий не протекают в «безвоздушном» пространстве, они наполнены конкретным содержанием в рамках сотрудничества или столкновения интересов и т.д.

Функциональные характеристики также во многом воспроизводятся на общих основаниях. Попытки концептуального осмысления трансграничных проблем должны предусматривать знание конкретной специфики ситуации в зонах межгосударственных границ.

В монографии «Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России»(2002г.) была предпринята попытка определения региональных пограничных подсистем на постсоветском пространстве, таких как:

- 1 Прибалтийскую (границы между Россией, Белоруссией, Латвией, Литвой и Эстонией).
- 2 Приднестровскую (украинско-молдавская граница).
- 3 Восточнославянскую, (границы между Россией, Украиной и Белоруссией).
- 4 Кавказскую (все границы между Россией и государствами Закавказья).
- 5 Каспийскую (проходящие по поверхности Каспийского моря рубежи между новыми прикаспийскими государствами).
- 6 Центральноазиатскую (границы между новыми государствами Центральной Азии, а также между Россией и Казахстаном) [16, 85-108].

Несмотря на наличие потенциально важного позитивного фактора, каким является этнокультурная близость титульных славянских народов, в Восточнославянской пограничной подсистеме сложился полноценный трансконфликтный регион.

Выводы

В сферу теоретического внимания попала Восточнославянская подсистема, включающая приграничье России и Украины и где сформировались трансграничный и трансконфликтный регионы.

Проблематика трансграничных взаимодействий в контексте глобальной, национальной и региональной безопасности рассматривается через призму известных методологических подходов. Региональный, неореалистический подход больше связан с исследованием конкретных территориальных проблем. Глобалистский, транснациональный подход ориентируется на дискурс детерриторизации. Наибольший методологический эффект даст обращение к аналитическому взаимодействию неореалистического и глобалистского подходов, учитывая их различные гносеологические основания.

Выявляя общее и особенное в функционировании обоих регионов, можно обнаружить структурное единство их базовых оснований. В итоге понятия трансграничный регион и трансконфликтный регион совпадают по пространственным, историческим, функциональным и политическим характеристикам. Наблюдается много пересечений (общего) в вышеперечисленных областях территориального и политического пространства. Наряду с идентификационными совпадениями трансконфликтный регион имеет ряд особенностей, требующий адекватного понимания и учитывающий неоднозначность мировой геополитической ситуации.

Необходимо учитывать затруднения в трансграничном сообщении, связанные с ужесточением пограничного режима в части восточнославянской зоны. Одним из важных параметров трансграничного взаимодействия является соотношение уровня барьерности и контактности. В настоящее время наблюдается сильная барьерность и, соответственно, слабая контактность. Такая комбинация

чревата негативными последствиями по многим направлениям. Социальная напряженность детерминируется неконтролируемой миграцией, теневым бизнесом, ростом преступности, распространением незаконного оружия, и т.д.

Необходимость активизировать приграничное сотрудничество, стимулировать эффективно функционирующий трансграничный регион (с действующим конфликтом) определяется задачей свести к минимуму деструктивный потенциал трансконфликтного региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. <http://eis.bris.ac.uk/~plcdib/territory/papers.htm>.
2. Kolers Avery, 2009, *Land, Conflict, and Justice: A Political Theory of Territory*. Cambridge, UK. Cambridge University Press. P. 254.
3. Margaret Moore. *A Political Theory of Territory*. Oxford Political Philosophy, 2015, p. 280, ISBN: 9780190222246.
4. Branislav Mičko, Martin Riegl. *Borders and Sovereignty: Different Worlds, Different Barriers?* Access Mode: <https://wc2018.ipsa.org/sites/default/files/ipsa-events/wc2018/papers/paper-102812-2018-06-30t040610-0400.pdf>.
5. Anna Casaglia. *Reflexions on the Security Shift in the Discourse on EU Borders and Migration: The Mediterranean Space between Humanitarianism and Border Control*. Access Mode: <https://wc2018.ipsa.org/events/congress/wc2018/paper/reflexions-security-shift-discourse-eu-borders-and-migration>.
6. James Scott, Jussi Laine. *The Border-Closing Impulse: Identitary Bordering as a Securitization Challenge*. Access Mode: <https://wc2018.ipsa.org/events/congress/wc2018/paper/border-closing-impulse-identitary-bordering-securitization-challenge>.
7. Bohumil Doboš. *Why States Do Not Build Walls? The Case of the North Africa*. Access Mode: <https://wc2018.ipsa.org/events/congress/wc2018/paper/why-states-do-not-build-walls-case-north-africa>.
8. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма. Владивосток. Дальнаука. 2010. 276 с.
9. Сериков А.В. Российско-украинские отношения в оценках молодежи приграничного региона (на примере Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2017. № 5. С. 151-162.
10. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. Theory, Culture and Society*. SAGE, London, Newbury Park and New Delhi. 1990. Vol. 7. Pp. 295-310.
11. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge. Cambridge University Press. 2003. 588 p.
12. Сериков А.В., Черноус В.В. Украинский кризис и вызовы национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. С. 81-92.
13. Новая газета. № 82, 1 августа 2018.
14. William Reno. *Shadow States and the Political Economy of War. Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars*. Mats Berdal and David M. Malone (eds.). Boulder, CO: Lynne Rienner. 2000.
15. Жмилевский В.Д. Специфические территории. Международная классификация. М., Изд-во Бук, 2017. 110 с.
16. *Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России*. Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М., Волгоград: НОФМО, 2002. 572 с.

REFERENCES

1. Available at: <http://eis.bris.ac.uk/~plcdib/territory/papers.htm>. (In Eng.).
2. Kolers Avery, 2009, *Land, Conflict, and Justice: A Political Theory of Territory*. Cambridge, UK. Cambridge University Press. P. 254. (In Eng.).

3. Margaret Moore. A Political Theory of Territory. Oxford Political Philosophy, 2015, p. 280, ISBN 9780190222246. (In Eng.).
4. Branislav Mičko, Martin Riegl. Borders and Sovereignty: Different Worlds, Different Barriers? Available at: <https://wc2018.ipasa.org/sites/default/files/ipasa-events/wc2018/papers/paper-102812-2018-06-30t040610-0400.pdf>. (In Eng.).
5. Anna Casaglia. Reflexions on the Security Shift in the Discourse on EU Borders and Migration: The Mediterranean Space between Humanitarianism and Border Control. Available at: <https://wc2018.ipasa.org/events/congress/wc2018/paper/reflexions-security-shift-discourse-eu-borders-and-migration>. (In Eng.).
6. James Scott, Jussi Laine. The Border-Closing Impulse: Identity Bordering as a Securitization Challenge. Available at: <https://wc2018.ipasa.org/events/congress/wc2018/paper/border-closing-impulse-identity-bordering-securitization-challenge>. (In Eng.).
7. Bohumil Doboš. Why States Do Not Build Walls? The Case of the North Africa. Available at: <https://wc2018.ipasa.org/events/congress/wc2018/paper/why-states-do-not-build-walls-case-north-africa>. (In Eng.).
8. Transgranichnyj region: ponyatie, sushchnost', forma [Transboundary region: concept, essence, form]. Vladivostok. Dal'nauka. 2010. 276 p. (In Russ.).
9. Serikov A.V. Rossijsko-ukrainskie otnosheniya v ocenkah molodezhi prigranichnogo regiona (na primere Rostovskoj oblasti) [Russian-Ukrainian relations in youth assessments of the border region (on the example of the Rostov region)]. Humanities of the South of Russia. 2017. No. 5. Pp. 151-162. (In Russ.).
10. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. Theory, Culture and Society. SAGE, London, Newbury Park and New Delhi. 1990. Vol. 7. Pp. 295-310. (In Eng.).
11. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge. Cambridge University Press. 2003. 588 p. (In Eng.).
12. Serikov A.V., Chernous V.V. Ukrainskij krizis i vyzovy nacional'noj bezopasnosti [Ukrainian crisis and national security challenges]. Humanities of the South of Russia. 2015. No. 3. Pp. 81-92. (In Russ.).
13. Novaya Gazeta [The New Newspaper]. No. 82, August 1, 2018. No. 82, August 1, 2018. (In Russ.).
14. William Reno. Shadow States and the Political Economy of War. Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars. Mats Berdal and David M. Malone (eds.). Boulder, CO: Lynne Rienner. 2000. (In Eng.).
15. Zhmylevskij V.D. Specificheskie territorii. Mezhdunarodnaya klassifikaciya [Specific territories. International classification]. Moscow. Izd-vo Buk, 2017. 110 p. (In Russ.).
16. Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novyh granic Rossii [Security and international cooperation in the belt of new borders of Russia]. Ed. by L.B. Vardomskiy and S.V. Golunov. Moscow – Volgograd: NOFMO. 2002. 572 p. (In Russ.).

Информация об авторах: Гурба Владимир Николаевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
desp@ufo.gov.ru

Коновалов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, кафедра конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
kwn_2006@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.09.2019

После доработки: 10.10.2019

Принята к публикации: 23.10.2019

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Vladimir N. GURBA, Doctor of Sociological Sciences, Head of Department of Conflict Studies and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
desp@ufo.gov.ru

Valery N. Konovalov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Conflict Studies and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
kwn_2006@mail.ru

Received: 19.09.2019

Received after reworking: 10.10.2019

Accepted for publication : 23.10.2019

The authors have read and approved the final manuscript.